УДК 237

Роман БУГРОВ

«НОВЫЙ» РЕГИОНАЛИЗМ КАК СТРАТЕГИЯ ДЛЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Статья поступила в редакцию 07.07.2021

Аннотация. Целью данной статьи является анализ возможной стратегии развития Европейского союза как ключевого институционального драйвера интеграционных процессов на региональном и глобальном уровнях. Политика динамической экспансии, характерная для ЕС в последние десятилетия, встречает сопротивление как внешней среды, так и внутри самого Евросоюза. В связи с этим существует потребность в определении пределов развития региональной интеграции в рамках ЕС, – особенно это актуально в условиях современных глобальных кризисных явлений. Данный вопрос рассматривается с точки зрения балансирования между расширением и углублением интеграционных процессов. Расширение, имеющее черты экспансии, и углубление могут поставить Брюссель перед выбором определенных приоритетов, но при этом не являются взаимоисключающими процессами. Основной выбор – это выбор стратегии, подчиненной политической воле и интересам лиц, принимающих решения. В качестве теоретического подхода использована концепция регионализма и его современная разновидность – «открытый» регионализм. Особенность этого подхода раскрывает внерегиональный (глобальный) характер стратегии ЕС. Автор делает вывод, что современная антикризисная стратегия Евросоюза – это построение глобальной торговой системы с элементами нормативного регулирования, обеспечивающей устойчивую конкурентоспособность ЕС даже за счет внутренней централизации.

Ключевые слова: Европейский союз, региональная интеграция, регионализм, новый регионализм, глобализация, расширение, углубление.

18 апреля 2021 г. исполнилось 70 лет со дня, когда шесть европейских стран: Франция, Западная Германия, Италия, Бельгия, Нидерланды и Люксембург подписали Договор о создании Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), тем самым начав историю формирования единой Европы на основе «реальных дел и

© **Бугров Роман Владимирович** – к.полит.н., доцент кафедры мировой дипломатии и международного права Института международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского. **Адрес:** 603005, Россия, Нижний Новгород, ул. Ульянова, 2. **E-mail:** bugrov@imomi.unn.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620214251>

фактической солидарности»¹. С тех пор многое изменилось: ЕС как главный локомотив интеграционных процессов в Старом Свете стал примером наиболее успешной региональной интеграции для всего мира. В 1990-х и начале 2000-х гг. успех ЕС проявлялся в активном развитии интеграционных процессов в ширину (расширение Евросоюза, внешняя экспансия – горизонтальное направление) и глубину (развитие наднациональных институтов, внутренняя политика – вертикальное направление).

В настоящее время проект формирования «фактической солидарности» переживает непростые времена: в обоих направлениях европейская интеграция достигла пределов, выйти за которые не позволяют определенные технические сложности (адаптация институтов) и ярко проявившиеся «красные линии», начерченные вестфальской моделью мира, основными понятиями которой по-прежнему остаются территория, нация и суверенитет. Все это осложняется текущими вызовами, ключевыми из которых являются пандемия, экономический и миграционный кризисы, геополитические перемены, вызванные политикой США и Китая, а также конфликтная ситуация на востоке Европы.

Для решения текущих проблем Союзу нужна позитивная интеграционная динамика, способная нивелировать кризисные явления и повысить общественную поддержку проекта европейской солидарности, которой явно не хватало в последнее десятилетие. Признанием того факта, что назрела необходимость придания нового импульса проекту «единой Европы» стало подписание 10 марта 2021 г. главами основных институтов Европейского союза – парламента, Комиссии и Совета – совместной декларации о проведении конференции о будущем Европы, которая призвана решить актуальные вопросы, в том числе проблему устойчивого развития ЕС².

Цель данной статьи предложить возможные варианты решения стратегических проблем европейской интеграции с точки зрения концепции регионализма: к ключевым вопросам можно отнести цели и пределы региональной интеграции под эгидой ЕС. Теоретическим фундаментом для рассмотрения европейской интеграции в данной статье является концепция регионализма и его современная разновидность – «новый», или «открытый», регионализм. Политика открытого, экспансивного регионализма является одним из факторов, который обеспечивает позитивную динамику интеграции в условиях глобализации. В настоящей статье мы попробуем оценить возможности данной политики продолжить выполнять функцию драйвера интеграции в ключевых направлениях (горизонтальном и вертикальном) в условиях современных кризисов.

ЕС в поисках границ

Одной из самых сложных проблем является вопрос территориальных пределов европейской интеграции – как физических границ, так и политического влияния

¹ Декларация от 9 мая 1950. Robert Schuman Foundation URL: <https://www.robert-schuman.eu/ru/doc/questions-d-europe/qe-391-ru.pdf> (дата обращения: 09.09.2021)

² Conference on the Future of Europe: Engaging with citizens to build a more resilient Europe, Press release, 10 March 2021, Brussels. An official website of the European Union. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_21_1065 (дата обращения: 09.09.2021)

ЕС. Если исходить из классического понимания региональной интеграции, то обычно подразумевается наличие более или менее четко очерченного региона, где ключевым фактором является географическая определенность. Одно из определений макрорегиона предполагает, что регион – это «**ограниченное** (выделено автором) число государств, связанных между собой географической близостью и высокой степенью взаимозависимости» [Nye, 1971: vii].

Формально статья 98 Договора о создании Европейского объединения угля и стали определяет потенциальный круг участников в соответствии с понятием классического регионализма: «любое европейское государство может подать просьбу о присоединении к настоящему Договору». Этот же принцип подтвержден статьей 49 Договора о ЕС. Особенность Европы как региона состоит в том, что его определение строится в основном на политически мотивированных концептах, а не только географии: во времена холодной войны существовало геополитическое деление на два политико-экономических лагеря, конкурирующих между собой. Особенно дискуссионным является определение Восточной Европы. В отличие от других направлений, где границы очевидны, Восток не имеет фиксированной демаркации и поэтому политически обусловлен. В зависимости от политической динамики «Восток может быть определен либо как возможное продолжение Европы, либо как геополитическая граница, в зависимости от политической динамики» [Cohen, 2003: 152]. Когда СССР перестал существовать, перед ЕС открылась возможность практически определить границы Европы, тем более что в начале 1990-х гг. почти все страны бывшего советского блока, включая Россию, не исключали более тесного сотрудничества с Евросоюзом. Таким образом, понимание пределов интеграции (территориальных границ ЕС) является одним из важнейших факторов понимания будущего европейского проекта региональной интеграции.

Распад СССР совпал с активизацией процессов глобализации, реакцией на которые стала концепция «нового» регионализма, которая, в отличие от «старого», делала акцент на развитие внешних экономических связей и отмену не только внутренних, но и внешних барьеров. С точки зрения экономики, «новый» регионализм как подход к развитию интеграции дает региональным отраслям возможность эффективнее участвовать в глобальной экономике и создает лучшие условия для конкуренции на глобальном рынке. Таким образом, открытый регионализм представляет собой эволюцию регионализма после окончания холодной войны из территориально ограниченных образований с протекционистскими тенденциями в открытую межрегиональную систему, которая соответствует характеру либерализации торговли в глобальной торговой системе. Более того, новый регионализм помещает региональные явления в контекст глобализации и системных (внерегиональных) сил, а не концентрируется на внутрирегиональных факторах. В основе открытого регионализма – не внутренняя сплоченность или открытость новым членам, а масштаб внешних связей и влияние на глобальную систему [Söderbaum, Sbragia, 2010: 564].

С политической точки зрения, открытый регионализм позволяет отказаться от географической предопределенности (ограниченности) региональной интеграции. Одним из примеров можно назвать концепцию регионального комплекса безопасности Барри Бузана, в которой цементирующим фактором является общее (взаимозависимое) понимание угроз и методов обеспечения безопасности, а не географическая близость [Buzan, 2003: 142]. Конструктивистский подход утверждает, что оп-

ределение и переопределение региона, это, по сути, политическое действо [Neumann, 2003: 161]. «Регионы, как и государства, являются политическими и социальными проектами, создаваемыми людьми с целью защищать или трансформировать существующие политические структуры» [Hettne, Söderbaum, 2002: 35].

Стремление европейских элит ассоциировать ЕС с географической Европой и даже в некоторой степени переступить за географическое определение Европы, остается базовой стратегией внешнеполитического вектора развития интеграции [Громыко, 2021: 12]. Основной мотив для проведения такой политики был заложен с самого начала формирования проекта единой Европы, одной из ключевых целей которого было решение проблемы безопасности, в частности, «устранения векового противостояния Франции и Германии», основным методом при этом было выбрано экономическое сотрудничество. Уже тогда предполагалось, что влияние интеграции выйдет далеко за пределы франко-германского альянса, потому что «плодами... смогут воспользоваться все европейцы, независимо о того, живут ли они на Западе или на Востоке, а также внеевропейские территории»¹.

До распада СССР вступление новых государств в проект европейской региональной интеграции не вызывало особых проблем ни для блока, ни для соседей. Сложности начались, когда территориальная экспансия ЕС приобрела панъевропейский характер. Стартовавшая в начале 1990-х гг. и позиционировавшаяся как наиболее успешная политика Брюсселя по достижению экономического роста и системы безопасности в Европе, политика расширения, или региональная экспансия ЕС, к настоящему времени достигла своих физических пределов² и столкнулась со множеством внутренних проблем, основные из которых: сложности адаптации институтов, замедление экономического роста и снижение общественной поддержки этого процесса среди стран-участниц, особенно на фоне миграционного кризиса. Несмотря на возникшие системные осложнения, вызванные расширением, ЕС стремится позиционировать себя как систему, открытую для всех демократических государств. В Лаакенской декларации утверждается, что единственная граница Союза – это демократия и уважение прав человека³. Таким образом, ЕС продолжил свою территориальную экспансию, переключившись с идеи прямого расширения за счет новых членов на идею создания круга соседей, привязанных к ЕС экономическими и политическими обязательствами, что, по сути, поставило некоторые страны перед необходимостью делать «цивилизационный выбор»⁴. Особую роль в обо-

¹ Декларация от 9 мая 1950. Robert Schuman Foundation URL: <https://www.robert-schuman.eu/ru/doc/questions-d-europe/qe-391-ru.pdf> (дата обращения: 09.09.2021)

² Официальными кандидатами являются Албания, Республика Северная Македония, Черногория, Сербия. Перспективы вступления Турции по-прежнему невысоки. Босния и Герцеговина, как и Косово являются потенциальными кандидатами. URL: https://ec.europa.eu/info/policies/eu-enlargement_en (дата обращения: 09.09.2021)

³ Presidency conclusions European council meeting in Laeken 14 and 15 December 2001 URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/20950/68827.pdf>. (дата обращения: 09.09.2021)

⁴ European Parliament Resolution of 12 September 2013 on the Pressure Exerted by Russia on Eastern Partnership countries (in the Context of the Upcoming Eastern Partnership Summit in Vilnius). Document 2013/2826 (RSP). September 12, 2013. Brussels: European Parliament. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-7-2013-0383_EN.html?redirect (дата обращения: 09.09.2021)

стрении проблемы цивилизационного выбора сыграла политика «Восточного партнерства», инициированная в 2009 г. как часть «Политики соседства» и направленная на развитие индивидуальных проектов сотрудничества со странами бывшего СССР, кроме России.

С середины 2000-х гг. стало очевидно, что Москва не стремится входить в зону влияния ЕС, поэтому потенциальная граница Евросоюза, с учетом программ соседства, очерчивалась границами России. В то же время прогресс в переговорах между ЕС и такими странами, как Украина, Республика Молдова, Армения и Грузия, в 2013 г. привел к резкому изменению отношения России, которая активизировала свой альтернативный проект региональной интеграции – Евразийский экономический союз¹. Результатом растущей конкуренции двух интеграционных блоков стало то, что Киев, Кишинев и Тбилиси оказались фактически разорваны между двумя конкурирующими центрами силы, а нынешняя политическая нестабильность в Белоруссии показывает, что вопрос определения зон влияния по-прежнему актуален для современной Европы. Таким образом, фундаментальные принципы и шаблоны европейского регионализма после окончания холодной войны: принципы «соседства», «общего соседства», «общих пространств»; трансформируются в традиционные представления о распределении власти и структурной взаимозависимости, превращают ЕС, хоть и в нормативно-либеральную, но все же империю [Wæver, 1997; 2009], стремящуюся создать свои сферы влияния и доказать свою значимость в глобальном управлении [Шумилин, 2020]. Учитывая вышесказанное, можно предположить, что идея Большой Европы от Лиссабона до Владивостока, хоть и по-прежнему присутствует в политической риторике², в практическом плане перешла в разряд красивых идей, и на наших глазах формируются новые границы в Европе. Остается надеяться, что новый, «ковидный занавес» не опустится между Востоком и Западом.

Каково же современное состояние процесса регионализации европейской интеграции с учетом воздействия пандемии? После событий на Украине в 2014 г. либерально-реформаторская политика соседства и процесс расширения ЕС перешли в фазу принципиального прагматизма, что отразилось в Глобальной стратегии безопасности ЕС (ГСБ), представленной на саммите Европейского Совета 28 июня 2016 г., что можно воспринять как фактическое признание провала политики Евросоюза в отношении стран Восточного партнерства и стран «арабской весны» [Глобальная стратегия безопасности ЕС..., 2017: 4]. Переход к прагматизму не означает отмены глобальных планов Брюсселя, тем более, если понятия «безопасность» и «стратегическая автономия» трактуются далеко за рамками военного понимания. Как отметил высокий представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ф. Могедини: «Только Европейский союз может сочетать и комбинировать торговую политику, политику в области окружающей среды, гуманитарную помощь, содей-

¹ House of Lords, European Union Committee. 2015. The EU and Russia, Before and Beyond the Crisis in Ukraine. Sixth Report 2014–2015. London: The Stationary Office. URL: <http://www.publications.parliament.uk/pa/ld201415/ldselect/ldcom/115/115.pdf> (дата обращения: 09.09.2021)

² Например: Президенты России и Франции сделали заявления для прессы и ответили на вопросы журналистов. 19.08.2019. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/61336> (дата обращения: 11.10.2021)

ствие в области развития, а также работу по обеспечению безопасности»¹. Поэтому встретив различные ограничения на пути территориального расширения, процесс развития Европейского союза с точки зрения концепции нового регионализма на этом не остановился. ЕС перешагнул границы региона и сосредоточился на формировании не привязанных к территории инструментов экспансии своего влияния, таких как расширенные торговые соглашения и глобальное партнерство. Ключевыми направлениями обновленной внешнеэкономической стратегии Брюсселя стали: модернизация Соглашения о свободной торговле с Мексикой, заключение Всеобъемлющего торгово-экономического соглашения с Канадой², попытка достичь соглашения по Трансатлантическому торговому и инвестиционному партнерству с США, переговоры по двустороннему инвестиционному соглашению с Китаем и обновление соглашений о зонах свободной торговли со странами за пределами непосредственной близости от Евросоюза³.

Интенсивная деятельность по институционализации внешних связей подсказывает, что стратегия ЕС состоит в построении глобальной, прежде всего, торговой системы с элементами общих юрисдикций и применения правил, обеспечивающей устойчивую конкурентоспособность ЕС и его членов. В этой связи уместно упомянуть о последних достижениях Европейского союза как нормативной державы, цель которой участвовать в глобальном управлении и распространять стандартное регулирование. 30 декабря 2020 г. на саммите глав государств ЕС и КНР завершились переговоры по всеобъемлющему инвестиционному соглашению. Среди условий соглашения отдельно стоит выделить обязательства, которые взяла на себя китайская сторона. Например, КНР обязалась повысить стандарты в области охраны труда и окружающей среды, применяя нормы международного регулирования: Парижского соглашения по климату, конвенции Международной организации труда. Соглашение должно еще пройти процедуру ратификации, но в условиях глобальной конкуренции и кризиса, вызванного пандемией, сам факт его подписания выглядит как успех Брюсселя.

В целом пандемия, проявившая кризис лидерства Запада и кризис международных институтов⁴, может дать ЕС шанс усилить свое влияние как глобальной нормативной державы. Именно поэтому, по мнению высокого представителя союза по иностранным делам и политике безопасности Ж. Борреля, ЕС должен активизировать свою внешнеполитическую деятельность, чтобы стать драйвером

¹ Могерини: Глобальная стратегия позволит ЕС реализовать свой значительный потенциал. 18.10.2016. //Европейская служба внешних связей. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/12278/mogerini-globalnaya-strategiya-pozvolit-esrealizovat-svoy-znachitelnyy-potencial_ru (дата обращения: 11.10.2021)

² В настоящее время не вступило в силу.

³ Всего в соглашениях с ЕС участвуют более ста государств мира и еще с тремя десятками стран переговоры ведутся или велись в разное время. https://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/negotiations-and-agreements/#_in-place (дата обращения: 09.09.2021)

⁴ Navigating a pandemic world: global disorders and Europe's role. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/82659/speech-hrvp-josep-borrellnavigating-pandemic-world-global-disorders-and-europe%E2%80%99s-role_en (дата обращения: 09.09.2021)

мировой политики¹. Таким образом, «стратегическая автономия» — это не только сосредоточение на безопасности собственного пространства и защита своих граждан, но прежде всего способ мобилизации ресурсов для усиления роли Евросоюза в мире [Щербак, 2020: 39].

*Стремление к солидарности как *perpetuum mobile**

Следующий вопрос касается перспектив вертикальной интеграции. Европа остается самым значительным в мире проектом региональной интеграции, но растущая многовекторность и стремление к глобальной роли поднимает вопросы о путях, на которых региональный проект «растущей солидарности» может быть реализован одновременно с расширением, особенно на фоне завершения брекзита и роста правых настроений в странах Евросоюза.

Общезвестно, что европейская интеграция – это процесс, финал которого строго не определен. Данный факт позволяет рассуждать о возможных сценариях для будущего ЕС с точки зрения формирования системы управления. Развитие и углубление интеграции часто связывают с процессом формирования наднациональных институтов, что в итоге может привести к дальнейшей централизации власти и созданию федерации – Соединенных Штатов Европы. Можно предположить, что взгляд на ЕС с точки зрения традиционных государственных моделей является малоперспективным. В основе современного государства лежит понятие суверенитета, важной особенностью которого применительно к кризисам является монополия на применение силы (наведение порядка) и относительно высокая централизация (срочная мобилизация ресурсов), которые можно считать базовой настройкой управленческой машины. Государства склонны в случае кризиса прибегать к хорошо известным и отработанным базовым настройкам, что продемонстрировала пандемия. Следовательно, добровольный отказ от суверенитета государствами-членами далее некоего предела будет маловероятен, что с точки зрения модели централизованного государства делает ЕС неэффективной управленческой системой. Брекзит ярко демонстрирует, что при необходимости выбора лояльность региональному институту проигрывает национальным интересам, выраженным либо в глобальных эгоистичных устремлениях, либо в простом расчете баланса затраты/выгоды.

В то же время углубление остается неполноценной концепцией, слабо основанной на системной цели построения «еще более тесного союза» между странами ЕС без адекватного понимания конечной цели, поскольку перспектива конституционализации Евросоюза остается политически невыполнимой [Dinan, 2010: 4]. Последовательность и реализуемость этой модели уже давно неочевидна особенно после очередного официального признания метода «многоскоростной Европы» как основного способа движения вперед². Вместо этого, ЕС консолидировал свою систе-

¹ Europe cannot afford to be a bystander in the world. We need a “strategic compass”. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/105369/europe-cannot-afford-be-bystander-world-we-need-%E2%80%9Cstrategic-compass%E2%80%9D_en (дата обращения: 11.10.2021)

² European Commission. 2017. White Paper on the Future of Europe: Reflections and Scenarios for the EU 27 by 2025. Brussels: European Commission. URL: <https://op.europa.eu/en/publication->

му управления с целью распространить свои нормативные и политические шаблоны на более широкую региональную систему и глобальные взаимодействия. Возможно поэтому Европейский союз, построенный на компромиссах, больше заинтересован в модели открытого регионализма, ориентированной на расширение межрегионального и глобального взаимодействия.

В то же время современная динамика глобальной конкуренции и структурной взаимозависимости приводит к тому, что геоэкономические предпочтения стран становятся более приоритетными перед классическими принципами экономической сплоченности и глубокой институционализации. Вполне убедительно выглядят данные, представленные Хиксом, в которых показана практически прямая взаимосвязь между успехами экономического развития и степенью одобрения ЕС европейцами [Нix, 2008: 52]. Таким образом, экономическое развитие в глобальной конкуренции является ключевым драйвером интеграции. Более того, сохранение глобальной успешности ЕС и даже его выживание во многом зависит от способности управлять внешней средой и влиять на выбор стран, не являющихся членами ЕС [Stefanova, 2018: 218]. Соответственно, стремление к «еще большей солидарности» может быть вечным лозунгом, не имеющим прямой обязательности.

Основная проблема, которую необходимо решить, это вопрос о том, может ли управление ЕС быть эффективным без высокой степени централизации? Существует достаточно устоявшееся предположение, что большие перспективы имеет модель организации процесса регулирования с помощью системы многоуровневого управления без полной передачи суверенитета, которая в случае необходимости создает механизм наделения полномочиями *ad hoc* [Бугров, 2008]. Данная концепция вполне может сочетаться с идеей гибкой интеграции, что в среднесрочной перспективе приведет к трансформации Европейского союза в систему «ядра и периферии» [Кавешников, 2017]. Основу ядра составляет сотрудничество Франции и Германии, которое было подтверждено Ахенским договором, ратифицированным в 2020 г. В рамках данного договора учрежден двусторонний совет по обороне и безопасности, что, несомненно, положительно повлияет на укрепление солидарности в рамках Союза [Громыко, 2021], ослабленную миграционным кризисом, брекзитом и пандемией. В то же время зависимость интеграционного процесса от тандема двух стратегически отличающихся партнеров (имеется ввиду фактор ядерного оружия и членство в СБ ООН) трудно считать гарантом долгосрочной эффективности такой модели интеграции. В текущей ситуации этого может оказаться вполне достаточно, чтобы растущее участие ЕС в глобальном взаимодействии оставалось жизнеспособной стратегией для сохранения его глобальных позиций в контексте возросшей напряженности в расширенном европейском регионе и всеобщем кризисе глобального управления.

Заключение

Политика открытого, экспансивного регионализма, которая долгое время помогала обеспечивать позитивную динамику европейской интеграции, была поставлена

detail/-/publication/ba81f70e-2b10-11e7-9412-01aa75ed71a1/language-en (дата обращения: 09.09.2021)

под угрозу пандемией и усилившимися политико-экономическими разногласиями как внутри ЕС, так и за его пределами, что вынуждает ЕС искать пути адаптации к вызовам современного мира. Выбрав своей основной целью создание максимально широкой системы безопасности, фундаментом которой должны быть сильные экономические связи на основе нормативного консенсуса, и продолжая применять стратегию открытого регионализма, ЕС по-прежнему стремится закрепить и расширить свое влияние, как на Европу, так и в глобальном масштабе. В то же время Брюссель вряд ли сможет сочетать успешную внешнюю экспансию с активизацией внутренней солидарности, не говоря уже о дальнейшей централизации.

Вполне вероятно, что эффективность ЕС и его жизнеспособность будут оцениваться с точки зрения выполнения Союзом повестки своих ключевых государств-членов, для которых регионализм является частью геополитической стратегии, отражающей совпадающие интересы наднациональных и национальных элит в отношении использования ресурсов глобальной конкурентоспособности и обеспечения глобального присутствия даже в ущерб более глубокой внутренней интеграции. В ближайшее время станет ясно, сможет ли конференция о будущем Европы найти решения ключевых проблем и придать качественный импульс процессу интеграции, и станет ли солидарность чем-то большим, чем глобальные амбиции элит.

Список литературы

Бугров Р.В. (2008) Поиск баланса между институтами Европейского союза: коммунитарный и межгосударственный методы принятия решений. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*, № 3. С. 225–230.

Глобальная стратегия безопасности ЕС 2016. Аналитический доклад (2017) [Сетевое издание]. Под ред. Н.К. Арбатовой, А.М. Кокеева. ИМЭМО РАН, Москва. URL: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=645&id=3850 (дата обращения: 09.09.2021)

Громыко Ал.А. (2021) Субъектность Евросоюза – между атлантизмом и европоцентризмом. *Современная Европа*, № 4. С. 10–25. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420211025>

Кавешников Н.Ю. (2017) Институционально-политическое развитие ЕС: кризис и варианты трансформации. *Мировая экономика и международные отношения*, т. 61, № 5. С. 14–24.

Шумилин А.И. (2020) Евросоюз – США: на пути к «новой нормальности». *Современная Европа*, № 5. С. 54–64. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520205464>

Щербак И.Н. (2020) Стратегическая автономия ЕС и проблемы формирования внешнеполитической повестки в эпоху пандемии. *Современная Европа*, 2020, № 6. С. 29–40. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620202940>

References

Bugrov R.V. (2008) Poisk balansa mezhdru institutami Evropeyskogo Soyuz: kommunitarnyy i mezhgosudarstvennyy metody prinyatiya resheniy [In search of balance between EU's institutions: community and intergovernmental methods of decision-making]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. No 3, pp. 225–230. (in Russian).

Globalnaya strategiya dlya vneshei i politiki bezopasnosti ES 2016. [A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy 2016]. Analytical Report [Online edition] Arbatova N.K., Ko-keev A.M., ed. IMEMO, Moscow. 2017. URL: https://www.imemo.ru/en/index.php?page_id=645&id=3850 (accessed: 09.09.2021) (in Russian).

Gromyko Al.A. (2021) Subyektnost' Evrosoyuza – mezhdru Atlantizmom i Evropotsentrizmom. [Subjectivity of the European Union – between Atlanticism and Eurocentrism]. *Sovremennaya Evropa*. No 4, pp. 10–25. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420211025> (in Russian).

Kaveshnikov N.U. (2017) Institutsional'no-politicheskoye razvitiye ES: krizis i varianty transformatsii [Institutional and political development of the European Union: systemic crisis and transformation options]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, vol. 61, No 5, pp. 14–24. (in Russian).

Shumilin A. (2020) Evropeiskii Souz – SSHA: na puti k “novoi normal’nosti” [European Union – USA: On the Way to a “New Normality”]. *Sovremennaya Evropa* No 5, pp. 54–64. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520205464> (in Russian).

Shcherbak I., (2020) Strategicheskaya avtonomiya ES i problemy formirovaniya vneshnepoliticheskoy poveski v epokhu pandemii. [Strategic Autonomy of the EU and Problems of Formation of the Foreign Policy Agenda in the Time of the Pandemic]. *Sovremennaya Evropa*, No 6, pp. 29–40. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620202940> (in Russian).

Buzan, Barry. (2003) Regional Security Complex Theory in the Post-Cold War World in Söderbaum, F., Shaw, T. (Eds.) *Theories of New Regionalism – A Palgrave Macmillan Reader*, Palgrave Macmillan, pp. 140–159.

Cohen, Saul. (2003) *Geopolitics of the World System*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, Inc. 435 p.

Dinan, Desmond. (2010) *Ever Closer Union: An Introduction to European Integration*. 4th ed. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 619 p.

Hix, Simon. (2008) *What's Wrong with the European Union and How to Fix It*. Cambridge: Polity Press, 228 p.

Hettne, B. and Söderbaum, F. (2002) Theorising the Rise of Regioness, in Breslin, S.; Hughes, C.W.; Phillips, N. and Rosamond, B. (eds.) *New Regionalisms in the Global Political Economy – Theories and Issues*, London: Routledge, pp. 33–47.

Neumann, Iver B. (2003) A Region-Building Approach World in Söderbaum, F., Shaw, T. (Eds.) *Theories of New Regionalism – A Palgrave Macmillan Reader*, pp. 160–178.

Nye, Joseph S. (1971) *Peace in Parts: Integration and Conflict in Regional Organization*. Boston: Little, Brown. 210 p.

Söderbaum, F. and Sbragia, A. (2010) EU Studies and the New Regionalism: What can be Gained from Dialogue?, in *Journal of European Integration*, vol. 32, No. 6, pp. 563–582.

Stefanova, B.M. (2018) *The European Union and Europe's New Regionalism. The Challenge of Enlargement, Neighborhood, and Globalization*. Palgrave Macmillan. 234 p.

Wæver, O. (1997) Imperial Metaphors: Emerging European Analogies to Pre-Nation State Imperial Systems. In: Tunander, O., Baev, P. & Einage, V.I. (Eds.). *Geopolitics in Post-Wall Europe: Security, Territory and Identity*. London, Thousand Oaks, New Delhi: Sage Publications, pp. 59–93.

Wæver, O. (2009) Discursive Approaches. In: Wiener, A. & Diez, T. (Eds.). *European Integration Theory*. Oxford: Oxford University Press, pp. 161–180.

“New” Regionalism as an Anti-crisis Strategy for the European Union

Received 07.07.2021

Author: Bugrov R., Candidate of Science (Politics), Associate Professor, the Department of World Diplomacy and International Law, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky University. **Address:** Ul'yanova Str., 2, Nizhny Novgorod, Russia, 603005. **E-mail:** bugrov@imomi.unn.ru

Abstract. The purpose of the article is to analyze possible strategies for the development of the EU as a key institutional driver of integration that plays a visible role both at the regional and global levels. In recent decades the EU pursued a policy of dynamic expansion, which nowadays meets with resistance from both the external environment and within the EU. In this regard, there is a need to determine the limits of the development of regional integration, which is especially important in the context of the modern global crisis. This issue is considered from the point of view of balancing between widening and deepening of integration processes. Enlargement (considered more as an expansion) and deepening may put the EU before a choice of priorities. However, they are not mutually exclusive processes. The main challenge is the choice of a strategy that is subordinated to the political will and interests of decision-makers. In order to analytically address the issue, the concept of regionalism and its modern version of “open” regionalism is used as a theoretical approach. It outlines the extra-regional (global) nature of the EU development strategy. The author concludes that the current anti-crisis strategy of the EU is the construction of a global trading system with elements of regulatory mechanisms that ensures the sustainable competitiveness of the EU even at the expense of internal centralization.

Key words: European Union, regional integration, regionalism, new regionalism, globalization, “deepening”, “widening”, enlargement.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620214251>